

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.04

Правильная ссылка на статью:

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов второго поколения в Москве в возрасте 18—30 лет: первые результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 63—81. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.04.

For citation:

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S. Integration of the Second Generation Migrants aged 18—30 in Moscow: First Results of the Research Project. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 6. P. 63—81. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.04.

Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ В МОСКВЕ В ВОЗРАСТЕ 18—30 ЛЕТ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ В МОСКВЕ В ВОЗРАСТЕ 18—30 ЛЕТ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

INTEGRATION OF THE SECOND GENERATION MIGRANTS AGED 18—30 IN MOSCOW: FIRST RESULTS OF THE RESEARCH PROJECT

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия.

E-MAIL: varshavere@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5901-8470

Evgeny A. VARSHAVER¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher*
E-MAIL: varshavere@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5901-8470

РОЧЕВА Анна Леонидовна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия.

E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3181-9698

Anna L. ROCHEVA¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow*
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3181-9698

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

ИВАНОВА Наталия Сергеевна — научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия.

*E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1140-2334*

*Natalia S. IVANOVA¹ — Research Fellow
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1140-2334*

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты первого этапа исследовательского проекта, посвященного интеграционным траекториям мигрантов второго поколения в России в раннем взрослом возрасте. На основании серии глубинных интервью с молодыми взрослыми армянского и азербайджанского происхождения демонстрируются типичные паттерны структурного, социального, культурного и идентификационного аспекта интеграции, характерные для этой группы. Показано, что представители этой группы нацелены на получение высшего образования, а после окончания ВУЗа предпочитают искать работу на «общем» рынке труда. Вместе с этим они характеризуются сильной этнической самоидентификацией, а их нормативные установки зачастую носят маргинальный и внутренне неконсистентный характер.

Ключевые слова: миграция, второе поколение, Москва, армяне, азербайджанцы, интеграция мигрантов

Благодарность. Статья написана по результатам выполнения НИР «Теоретико-методологические ресурсы для изучения интеграционных траекторий иностранных мигрантов второго поколения в России» в рамках государственного задания РАНХиГС за 2017 год.

Abstract. This article reflects the first results of the research project dedicated to the integration trajectories of the second generation migrants of the young adult age in Russia. Based on the series of the in-depth interviews with young adults of Armenian and Azerbaijani descent taken in Moscow it describes patterns of structural, social, cultural and identificational integration of these groups. It has been shown that members of this group are oriented toward higher education acquisition and after its completion are acquiring jobs on the mainstream labor market. However, their ethnic self-identification is quite strong and their normative attitudes are sometimes marginal and inconsistent.

Keywords: migration, second generation, Moscow, Armenians, Azeris, integration of migrants

Acknowledgment. The article is prepared with the support of the Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration within the grant provided by Government of Russian Federation for the research project «Theoretical and methodological Resources for Studying Integration Trajectories of the Second Generation of Foreign Migrants in Russia» (2017).

Введение

Одной из ключевых характеристик миграционных обществ, к которым с определенными оговорками можно отнести российское, является способность интегрировать так называемое второе поколение мигрантов — людей, родившихся в принимающей стране в семьях мигрантов или приехавших (перевезенных) в раннем возрасте. Как правило, в ситуации всеобщего школьного образования к десяти годам такие люди полностью осваивают язык принимающего общества, а значит одна из основных интеграционных преград, с которыми сталкиваются мигранты первого поколения, для мигрантов второго поколения отсутствует. Однако опыт различных миграционных обществ свидетельствует о том, что судьбы второго поколения — их социально-экономические характеристики, круги общения и паттерны идентификации — существенно различаются от страны к стране и внутри этих стран.

Как складываются судьбы российского второго поколения мигрантов? Успешны ли его представители на рынке труда? Не замыкаются ли они на своей диаспоре в части общения и брачного поведения? В какой степени российская система образования эффективна в качестве института интеграции мигрантов второго поколения? Эти вопросы имеют первостепенную важность как для развития российского общества, так и для международной науки, посвященной интеграции мигрантов, поскольку российская ситуация достаточно специфична прежде всего в свете аспектов советского наследия (от общего культурного пространства до эгалитарного градостроительства). Первые попытки ответить на эти вопросы были предприняты в 2000-е годы, когда большая часть мигрантов второго поколения учились в школах. Сейчас же наступил момент, когда они выросли, а значит можно оценить их интеграционные характеристики — уровень образования, заработок, брачное поведение — в полной мере. В 2017 г. Группа исследований миграции и этничности РАНХиГС запустила большой проект, посвященный интеграции второго поколения, в рамках которого это явление исследуется на всероссийском уровне количественными и качественными методами. В данной статье представлены первые результаты этого проекта, полученные в результате анализа серии глубинных интервью с мигрантами второго поколения 1987—1999 гг. рождения, собранных в Москве весной 2017 г.

Обзор литературы и основные определения

Термин «второе поколение» применительно к миграции активно используется американскими социальными учеными с конца XIX века [Boyesen, 1892; Mayo-Smith, 1895; Senner, 1896; Hall, 1897]. Тогда в фокусе внимания находились не столько индивидуальные мигранты, сколько «национальные группы» — «не-американцы» в целом, которые, согласно общепринятому пониманию, сохранялись из поколения в поколение, а значит, о жителях США, чьи родители приехали, например, из Италии, можно говорить как об итальянских мигрантах второго поколения. Именно этим старым и, по современным оценкам, расистским пониманием и подходам термин обязан своей противоречивостью: группа людей, которая не имеет самостоятельного миграционного опыта, тем не менее называется мигрантами. Термин ожидаемо вызвал критику [Stronks, Glasgow, Klazinga,

2004: 12; Thomassen, 2010; Schneider, 2016], однако, частью в свете появления многочисленных исследований [Sleszynski, 1921; Thomas, Znaniecki, 1927; Bogardus, 1930; Child, 1943; Park, 1952], где он употребляется, частью по причине осмысленности выделения этой группы среди прочих групп в обществе, несмотря на заложенный в него оксюморон, термин прижился и на данный момент широко используется в исследованиях далеко за пределами США.

Использование этого понятия в эмпирических исследованиях, однако, потребовало более дробных классификаций. В частности, в конце 1980-х годов Р. Румбо предложил термин *1,5 поколение* (полуторное поколение) [Rumbaut, Ima, 1988: 22], возведя его к терминам, использовавшимся чикагскими социологами У. Томасом и Ф. Знанецким (*half second generation*), а также У. Уорнером и Л. Сролем (*P2 generation*) [Portes, Rumbaut, 2001]. Речь идет о людях, родившихся за пределами принимающей страны, однако приехавших (привезенных) в нее до 18 лет. Дальнейшее дробление привело к появлению терминов *поколение 1,25* и *поколение 1,75*, относящихся к приехавшим в подростковом и младенческом/раннем возрасте, соответственно [Rumbaut, 2005: 57—58]. Считается, однако, что эта классификация имеет смысл прежде всего применительно к лингвистическим исследованиям, в частности, исследованиям билингвизма [Рочева, 2011]. Кроме этого, уже к 2000-м годам относится появление термина *2,5 поколение*, относящегося к людям, у которых лишь один родитель является мигрантом и которых традиционно относят ко второму поколению [Karthick Ramakrishnan, 2004].

В данном исследовании под вторым поколением понимаются люди, у которых один или оба родителя — мигранты, и которые окончили в России школу. Это наиболее широкое понимание, включающее в себя различный опыт как людей, родившихся в России в семье, где лишь один из родителей является мигрантом, так и людей, приехавших в Россию вместе с родителями в подростковом возрасте. Такой подход было решено применить в связи с тем, что это исследование — первое в России, посвященное выросшим детям мигрантов. Это, естественно, не мешает выделять подгруппы внутри исследуемой группы и исследовать эффекты, связанные с принадлежностью респондентов и информантов к тем или иным поколениям, выделенным более подробно.

Принято говорить о двух основных подходах к пониманию межпоколенческих интеграционных траекторий. Согласно линейному подходу, наиболее полно раскрытому в классической книге М. Гордона «Ассимиляция в американскую жизнь» [Gordon, 1964: 70—71], интеграционная траектория инвариантна, в результате успешной интеграции мигранты перестают отличаться от «общественного ядра», типичным образцовым представителем которого в американском случае является белый англосаксонский протестант. В рамках интеграционной траектории «этнические группы» последовательно проходят семь этапов: от аккультурации, в ходе которой мигранты перестают отличаться от представителей принимающего общества в части основных паттернов поведения, до «гражданской ассимиляции», когда мигранты перестают представлять собой отдельную группу интересов и вливаются в политическую жизнь страны. Этот путь может занять несколько поколений, однако он — единственно возможный, а «этнические группы», не прошедшие его, находят свое место на периферии общества. Линейному подходу противостоит

сегментный подход, в рамках которого указывается на важность этих — до того обозначенных как периферийные — явлений и основным тезисом которого является сегментированность принимающего общества и, соответственно, сегментированность и вариативность межпоколенческих интеграционных траекторий. Этот подход появился в начале 1990-х годов и связан прежде всего с работами таких авторов, как А. Портес, М. Чжоу и Р. Румбо [Portes, Zhou, 1993; Zhou, 1997; Portes, Rumbaut, 2001; Rumbaut, Portes, 2001; Portes, Rumbaut, 2008]. Согласно теории сегментной ассимиляции, социально-экономический успех мигрантов второго и следующих поколений возможен без интеграции в общество и, в свою очередь, полноценное включение в местные социальные круги может привести к плачевным социально-экономическим последствиям. Всего же в рамках этой теории можно выделить три наиболее типичных траектории: интеграция в общество, замыкание в рамках своей этнической группы и растворение в городской бедноте. С одной стороны, можно считать, что теория сегментной ассимиляции пришла на смену линейному подходу, с другой — скорее, правильнее будет говорить о его усложнении и уточнении, в результате чего был сформирован современный взгляд на проблему.

Теоретические подходы к проблеме интеграции были разработаны прежде всего на американском материале американскими учеными, эмпирические же исследования проводились во многих странах, когда проблема второго поколения оказывалась для них релевантна. Речь идет прежде всего о странах Европы [Crul, Schneider, Lelie, 2012], Канаде [Kobayashi, 2008], Австралии [Khoo et al., 2002] и Израиле [Elias, Kemp, 2010]. На основании этих исследований можно говорить о том, что есть лишь два тезиса, справедливых для большинства мигрантов второго поколения вне зависимости от характеристик принимающего общества и миграционного потока: во-первых, мигранты второго поколения в целом успешнее (образованнее, статуснее и богаче) своих родителей; во-вторых, кем бы ни были их родители и на каком языке бы ни общались дома, при условии посещения школы мигранты второго поколения полностью выучивают язык принимающей страны и знают его наравне с местными. В остальном же ситуации могут различаться коренным образом — и в части социально-экономической успешности, и в части социальных связей и брачного поведения, и в части восприятия тех или иных ценностей и культурных паттернов. Именно поэтому введение в международный научный оборот случаев, описывающих до того неисследованные на предмет интеграции второго поколения миграционные системы, приобретает первостепенную важность.

Исследовательский проект

Исследовательский проект, по результатам первого этапа которого написана данная статья, был запущен в 2017 г. Группой исследований миграции и этничности РАНХиГС. Цель исследования — описать характеристики интеграции мигрантов второго поколения в России в возрасте 18—30 лет. Несмотря на разнообразие стран происхождения мигрантов второго поколения в России, на данном этапе было принято решение остановиться на исследовании мигрантов армянского и азербайджанского происхождения, поскольку именно эти национальные группы составили основу первой волны миграции в Россию в 1990-х годах, и дети именно

этих мигрантов в значительной степени представляют собой миграцию второго поколения. Исследование проводится по смешанной методологии и включает в себя серии интервью и наблюдений в разных регионах России, различающихся в части характеристик среды, в которую происходит интеграция мигрантов, а также всероссийский интернет-опрос с таргетингом по соответствующим группам в социальных сетях. В рамках первого этапа исследования весной 2017 г. была проведена серия интервью ($N = 48$) в Москве. Информанты отбирались на основе принципов теоретической выборки и заполнения категорий методом снежного кома с множественными точками входа. Гайд был структурирован биографически (семейная история и жизненный путь информанта с фокусом на различных аспектах интеграции на разных этапах жизни). Анализ проводился методом осевого кодирования по тематическим рубрикам.

Далее будет предложено описание типичных интеграционных траекторий, затем будет рассказано о некоторых важных сюжетах, высвечивающих эти траектории с различных сторон, в резюме же будет дан общий ответ на вопрос о том, насколько успешна интеграция второго поколения мигрантов в Москве.

Семьи мигрантов второго поколения: история миграции, социально-экономические характеристики и языковая ситуация

Знаковыми событиями, приведшими к волне миграции 1990-х годов из Армении и Азербайджана, стали Спитакское землетрясение (1988) и Карабахский конфликт (1988—1992), наложившиеся на распад СССР и экономический кризис в Закавказье. Заставив сняться с места до того преимущественно стационарное население, эти события способствовали запуску так называемой первой волны постсоветской миграции в Россию. Начало этой волны относится к концу 1980-х годов, в целом же эта миграция продолжалась до 2000-х годов, несколько меняя профиль типичного ее представителя от вынужденного переселенца с семьей до экономического мигранта, живущего «между странами». Второе поколение этой миграции — дети, родившиеся в промежутке с конца 1980-х до начала 2000-х годов в странах Закавказья или уже в России, большинство в Москве. Семьи информантов иногда происходят также из республик, в которых их национальность не является титульной. В частности, некоторые армянские информанты родились в Баку; интервьюировались также армяне и азербайджанцы из Грузии. Переезд их семей в Россию мог происходить как одновременно (переезжает вся семья), так и последовательно (переезжает сначала отец, затем, когда он обустроится, приезжают остальные). Переезд детей зачастую свидетельствовал о серьезных миграционных намерениях семьи в целом, хотя нередко в семье была установка вернуться в страну происхождения «в следующем году». Такая установка иногда приводила к тому, что семья долгое время не получала российское гражданство, хотя могла. На данный момент большинство информантов — граждане России.

Абсолютное большинство мигрантов второго поколения родились в мононациональных семьях: армянских или азербайджанских, если же семья смешанная, один из родителей, скорее всего, русский. Мононациональные семьи, однако, нередко разнородны в части социального происхождения материнской и отцовской семейных линий. С одной стороны — армянские дворяне, с другой — крестьяне,

и это довольно распространенная семейная история для армянских информантов. Кроме того, в силу неоднородного проникновения русского языка в советских национальных республиках, семьи существенно различаются в части «языковой ситуации». Обычно либо один родитель, либо оба знают русский не очень хорошо, и основной язык общения — армянский или азербайджанский.

Что же касается детей, социализированных в рамках школьной системы принимающего общества, русский язык каждый из них знает на уровне своих сверстников-немигрантов, язык же страны происхождения они знают хуже: даже в лучшем случае информанты пишут с ошибками, в среднем же говорят, но с трудом читают. Общение между родителями и детьми зачастую происходило и происходит на смеси языков, при этом пропонентами национального языка являются родители. В большинстве случаев, однако, использование такого «арго» не проблема ни для родителей, ни для детей. Если в семье двое и более детей, между собой они также говорят как на национальном, так и на русском, нередко предпочитая последний.

После переезда, чем бы ни занимались родители информантов в стране происхождения, конструкция семейной экономической жизни в большинстве случаев следующая: отец — предприниматель, мать — домохозяйка. Зачастую отцы занимаются торговлей — автомобилями, цветами, пищевыми продуктами, розницей. При этом размеры их бизнеса могут быть разными, а дела всякий момент времени могут идти лучше или хуже. Кроме того, матери и дети часто — регулярно или нерегулярно — помогают отцам, стоя за прилавком, осуществляя поставки и прочее.

Характеристики интеграции мигрантов второго поколения в дошкольный и школьный периоды жизни

Первое время семьи чаще всего проживали на съемных квартирах, при этом район проживания мог быть любым. Среди районов, в которых жили информанты, — Динамо, Новокосино, Бирюлево, Маяковская, Олимпийская деревня, Южнопортовый, Петровско-Разумовская, Кунцево и др.

Двор как место социализации присутствует далеко не у всех информантов. Можно предположить, что девочек пытались ограждать от дворовой компании, кроме того, этот барьер мог быть не только гендерным, но и классовым. Один из информантов рассказал, что не общался со сверстниками во дворе, потому что они — «будущие автозаправщики, мне с ними неинтересно». Можно предположить, что такая установка транслировалась в семье. Тем не менее для многих именно двор стал местом первого плотного контакта с принимающим обществом, которое могло оказаться достаточно этнически разнородным. Один из информантов армянского происхождения рассказывал, как в его дворе полиэтническая молодежь (дошкольный и ранний школьный возраст) пряталась в подъездах от присутствовавших на тот момент в московских районах «скинхедов». Также именно двор стал пространством консолидации азербайджанских школьников в районе Бирюлево, которые вместе пытались отражать атаки «скинхедов», а затем стали близкими друзьями. Последний случай, однако, нетипичен, поскольку моноэтнические группы во дворах складываются нечасто. Можно связать это с тем, что в дошкольный период этничность еще не воспринимается как фактор культурного различия (это происходит уже в школе).

Школы, в которых учились информанты, были обычными районными школами, которые, согласно их восприятию, иногда соответствовали социально-экономическому статусу их семей, а иногда контрастировали с ним. Так, некоторые информанты описывали свой школьный опыт как опыт погружения в иную социальную среду, непривычную для них и даже непонятную их родителям, в результате чего многие драматичные события переживались ими без участия близких. Этнические составы классов и школ существенно различались: информант мог быть единственным «нерусским» в классе, но нередко с ним учились и другие — зачастую закавказские — дети. В этой ситуации они, скорее всего, общались между собой, однако такие группы не были эксклюзивными — в них могли включаться дети разных национальностей. Опыт этничности в школе присутствует за редким исключением у всех информантов. Далеко не всегда он негативен. Иногда он начинается и заканчивается просьбами перевести то или иное слово на армянский или азербайджанский, а также ощущением у информанта, что в семье его контролируют больше, чем сверстников. Вместе с тем, однако, буллинг и этническая консолидация — это опыт, который есть у значительной части информантов. С некоторой долей условности буллинг можно разделить на удавшийся и неудавшийся, а также решенный (когда стороны примирились) и нерешенный. Так, в некоторых случаях со стороны одноклассников осуществлялись попытки буллинга, однако положение информанта в классе позволяло достаточно безболезненно пережить их, «приструнить» обидчика и не дать обидным прозвищам закрепиться. В других же случаях буллинг продолжался из года в год. Были, кроме того, примеры, когда информанты открыто конфликтовали, выигрывая или проигрывая, в результате завоевывая себе жизненное пространство и иногда по результатам оказываясь среди лидеров класса. Можно говорить о том, что чем больше в классе училось «кавказцев», тем ниже была вероятность буллинга — консолидация позволяла противостоять ему или избежать его вовсе. С другой стороны, нередко информанты были единственными «кавказцами» в классе, однако буллинга не происходило.

Часть информантов доучились в школах, в которые поступили, часть сменили школы. Чаще это было связано с переездом в другой район, но были и те, что целенаправленно искали школу более высокого уровня. Кроме того, некоторые ушли в колледжи или техникумы (после чего чаще всего поступили в вуз), некоторые — в экстернаты.

Характеристики интеграции мигрантов второго поколения в системе профессионального образования

Высшее образование получает абсолютное большинство мигрантов второго поколения в Москве. Редкие исключения связаны с ситуациями, когда необходимо начать работать со времени старшей школы. Остальные поступают в московские вузы и зачастую учатся на очном отделении, то есть оказываются в университетской среде, в рамках которой вопросы этничности встают по-новому.

Распространенность высшего образования можно связать с высокой ценностью образования как такового в семьях мигрантов второго поколения. Эта ценность, однако, бывает двух типов: когда ценится факт наличия хорошего образования у детей, а также когда ценится образование само по себе. В результате

нередко образование, полученное в вузе со звучным названием, будет цениться больше, чем образование, полученное в вузе, занимающем первые места в рейтингах. Например, когда отец друга одного из информантов сообщал своим знакомым, что его сын учится в Высшей школе экономики, некоторые смеялись над тем, что его сын учится не в университете, а в школе. Кроме того, в зависимости от уровня человеческого капитала в семье ценность образования может оказаться абстрактной, не имеющей конкретного приложения в жизни, а может быть практически значимой, и тогда родители внимательно следят за успеваемостью детей, изучают вузы и нанимают репетиторов.

Информанты, принявшие участие в исследовании, учились или учатся в следующих вузах Москвы: МГУ им. М. В. Ломоносова, МИФИ, РЭУ им. Плеханова, МФЮА, РАНХиГС, МАЭП, РГУ им. Косыгина, РУДН, МГМУ им. Сеченова, МЭИ, МГТУ, МГИМО МИД России, МАРХИ, ГУУ и др. Учеба в этих вузах может носить как формально-поверхностный, так и «сущностный» характер, и в большинстве случаев она сопровождается включением в те или иные круги общения, в том числе состоящие преимущественно из представителей номинальной национальности мигранта второго поколения.

Конец 2000-х и начало 2010-х годов — это время, когда в московские вузы массово приходит «второе поколение» армянских и азербайджанских мигрантов. В школьные годы многие из них были лишены возможности общаться с представителями своей номинальной национальности. В результате этой «встречи» студенты начинают жить активной «этнической» жизнью — консолидируясь и конфликтуя, формулируя нормы взаимодействия и контролируя их исполнение. У администраций вузов появляется желание структурировать и контролировать эту жизнь. Одновременно на сцену выходят амбициозные молодые люди, желающие эту жизнь «возглавить». На стыке этих тенденций возникают формальные или неформальные «национальные» студенческие объединения, которые активно привлекают других студентов, в частности, первокурсников. Эти организации, однако, существенно различаются в части содержания мероприятий и транслируемых ценностей. Некоторые лидеры указывают на «либерально-цивилизаторскую» функцию таких организаций в отношении ее членов и создание позитивного имиджа их «национальности» в глазах остальных студентов, что достигается, в частности, проведением интеллектуальных мероприятий «для всех», другие лидеры занимаются этнической консолидацией, поддерживают «национальные» нормы поведения и помогают решать проблемы с учебой, в том числе неформальными способами.

Значительная часть мигрантов второго поколения, учившихся в вузах, в какой-то момент обнаружили себя соотносящимися с этнической средой и соответствующими организациями. Более того, этот опыт нередко преобразовывал их отношение к номинально своей этнической группе, до того практически полностью сформированное в семье и в ходе поездок в страну происхождения (которые были, однако, далеко не у всех).

Сценарии взаимодействия с этнической средой в вузе лучше всего могут быть описаны на примерах. В рамках первого случая Г., переехавший в Россию в дошкольном возрасте, окончивший районную школу в Москве и, по его словам, «обрусевший», поступает в один из университетов и обнаруживает в группе из 30 человек

6—7 армян. Он сближается с ними, начинает общаться с армянами с других курсов и факультетов, становится активистом армянской организации, и находит в новых кругах модели поведения, которые когда-то наблюдал у отца. В результате теперь, будучи на третьем курсе, он близко общается только с армянами, является одним из руководителей организации и посредством участия в ней пытается «воспитывать» армян вуза на основе традиционной морали. В рамках второго случая О., азербайджанка, родившаяся в Баку, поступившая в одну московскую школу и окончившая другую, в данный момент учащаяся на четвертом курсе одного из престижных московских вузов, попробовала общаться с вузовскими азербайджанцами, ходить на вузовские и общемосковские мероприятия, но постепенно пришла к выводу, что ей не нравятся те люди, которых она встречала на мероприятиях и в организации, что они сильно отличаются от нее, исповедуют странные жизненные принципы, странно реагируют на ее расслабленность и жизнелюбие, и что ей с ними не по пути. В ее вузовском круге общения на протяжении обучения азербайджанцев не было, но зато были армяне и русские. Третий случай — это случай Б., она родилась в Ереване, окончила московскую районную школу, но поступила в очень престижный университет. Поступив, Б. обнаружила, что вокруг совсем немного армян ее круга (она относит себя к армянской интеллигенции), в основном же она встречала детей не очень образованных и неинтеллигентных армян. С ними у нее отношения не складывались. В это время некоторые из них пытались создать армянскую организацию этого вуза и наполнить ее содержанием, которое не устраивало Б. Она вмешалась и, в конечном счете, стала руководителем этой организации. При этом ее круг общения — в вузе и за его пределами — был преимущественно неармянским. Четвертый случай — это В., который тоже окончил московскую школу и поступил в тот же вуз, что и Б., но несколькими годами позже. Он пришел на одно из мероприятий армянской организации. Ему не понравилось, что там происходило, и он ушел. В вузе В. практически не общался с армянами, однако после учебы начал работать в НКО, способствующей гармонизации отношений между Россией и Арменией. Пятый случай — Г., некоторое время он учился в одной из московских армянских школ, а затем поступил в престижный университет. В существовавшую там армянскую среду он не влился — позиционируя себя как интернационалиста, он считает странным общаться только с армянами. Вместе с тем, на мероприятия армянской организации он все же приходил, поскольку они были ему интересны.

Таким образом, вариантов взаимодействия с этнической средой в вузе может быть четыре: слияние, избегание, сложное взаимодействие и использование инфраструктуры. В рамках слияния мигрант второго поколения с интересом включается в этническую среду; при избегании он приходит к выводу, что эта среда — мероприятия и люди — его не устраивают, и он не взаимодействует с ними; в рамках сложного взаимодействия, отдавая себе отчет в том, что многое в людях и событиях его не устраивает, он поддерживает отношения с ними, иногда пытаясь что-то изменить; в случае использования инфраструктуры он, эмоционально не включаясь, общается и посещает мероприятия по мере необходимости и желания. Реализация одного из этих вариантов в каждом случае в значительной степени связана с характеристиками этнической вузовской среды и соответствующих организаций.

Этнические университетские среды — формальные и неформальные — становятся тем значимым другим, встреча с которым может существенным образом изменить (и часто меняет) смыслы, связанные с номинально своей этнической группой, круги общения, а также в целом взгляд на мир. Вместе с тем неприятие этнического круга в вузе не означает прекращение идентификации с номинальной этнической категорией. Те, кто не сошелся с армянами/азербайджанцами в университете или институте, будут продолжать переживать этничность, но в других контекстах. Например, для информантки О. пространством самоопределения в этнических терминах стали международные мероприятия, на которых она, номинально азербайджанка, представляла Россию. В., окончив вуз, работал в российско-армянской НКО, а сейчас руководит направлением в одной из важных диаспорных организаций Москвы. Тем не менее для значительного числа мигрантов второго поколения именно вуз — и этнические круги в вузе — стали пространством возвращения к «спавшей» в течение школьных лет этнической идентичности, а слияние с вузовской этнической средой — частое явление.

Можно заключить, что вузовская этническая среда важна для самоопределения в этническом пространстве, однако далеко не все студенты соответствующих национальностей в нее включаются. Способы взаимодействия с этой средой варьируются от полного слияния до отсутствия какой-либо коммуникации, но даже в последнем случае этничность не перестает влиять на жизнь человека и зачастую находит иные выражения.

Характеристики интеграции мигрантов второго поколения на рынке труда

После окончания вуза большинство информантов пошли работать. Большая часть постоянно трудоустроенных работают на «неэтнических» работах — не связанных с их этнической категорией и найденных на «общем» рынке труда (например, через сайт «HeadHunter» или через университет). Среди таких работ информантов: врач, организатор конференций в своем вузе, энергетик, IT-стартапщик, продавец одежды, учитель танцев, кадровик. Меньшая часть работает в «этнических» сферах, в частности, один из информантов — юрист во всероссийской азербайджанской организации, другой работает в армянском музее. Есть и третья типичная занятость — мелкий бизнес, сходный с бизнесом родителей или продолжающий его. Эта занятость, однако, не так распространена, поскольку в типичном случае (о чем будет сказано отдельно) дети не хотят заниматься тем же, чем занимаются их родители, да и сами родители не желают, чтобы дети продолжали их дело.

Как связаны круги общения в вузе с теми или иными трудовыми траекториями? Можно ли сказать, что этнические круги связаны с этнической работой после вуза? Из тех, кто общался преимущественно с представителями своей «национальности», многие после окончания вуза или в процессе обучения нашли работу на «общем» рынке труда. Те же, кто пошел в торговлю «по стопам» родителей, оказались там в рамках семейных взаимодействий, не задействовав знакомства, полученные в вузе. Случаи работы у представителей своей национальности среди проинтервьюированных информантов за единственным исключением не были связаны с включенностью в этнические круги в вузе. Так, Б. поступил на работу в российско-армянскую НКО не через однокурсников армян, с которыми он и не общался,

а упомянутый юрист, хотя и общался в вузе преимущественно с азербайджанцами, свою «азербайджанскую» работу нашел через другие каналы. Единственное исключение — это случай информантки О., которая, будучи активисткой азербайджанской вузовской организации, стала заниматься переводами с турецкого, воспользовавшись связями другого активиста.

Таким образом, мигранты второго поколения идут работать преимущественно на неэтнические работы, более того, можно предположить, что структура занятости армянских и азербайджанских мигрантов второго поколения не сильно отличается от структуры занятости их однокурсников немигрантского происхождения. Важно и другое — в случаях, когда это не так («этническая» работа, бизнес родителей), роль этнических вузовских кругов в нахождении этой работы невелика. Это приводит к другому выводу: вузовские этнические круги не являются ресурсом для поиска работы и других возможностей «устроиться» по жизни. Тем не менее они воспроизводятся, а значит, играют определенную роль в жизни мигрантов второго поколения. Что это за роль? Скорее, эти круги и организации — пространство «возвращения» к своей номинальной этничности (или выстраивания иных, более сложных отношений с ней), несущие в большей степени эмоциональный, нежели рациональный заряд. Оказавшись в вузе и «примкнув» к представителям своей этнической категории (или выстроив сложные отношения с ними), информанты получают возможность испытать чувство общности, основанной на принадлежности к определенной национальности, ощущение, которого зачастую они были лишены в школе. Тем не менее, возможно, в связи с этим данная среда будет способствовать отношениям и бракам — армян с армянками, а азербайджанцев с азербайджанками? Чтобы ответить на этот вопрос, следует описать этот аспект интеграции у мигрантов второго поколения.

Характеристики брачных и романтических отношений мигрантов второго поколения

В семьях информантов установки по этому вопросу колеблются между либеральной межкультурной моделью, согласно которой как сын, так и дочь могут входить в отношения до брака, жениться и выходить замуж за представителей любой национальности, решение по этим вопросам принимают они сами, и традиционной моделью, когда секс и отношения до брака для девочек неприемлемы (мальчики могут «гулять»), свадьба возможна только с представителем той же национальности, а родители сами принимают решение о свадьбе детей. На момент исследования среди отобранных информантов «любовные биографии» были крайне разнообразны. Небольшая часть информантов не имеет опыта каких-либо отношений. Некоторые женаты или замужем, при этом их супругами являются как люди одной с ними номинальной национальности, так и нет. Большая же часть — неженатые и незамужние, имеющие разный опыт отношений — как с представителями своей национальности, так и с представителями других национальностей (в том числе и тех из них, которые считаются «антагонистами» в результате разного рода конфликтов, в частности, азербайджанцы для армян и наоборот). Такие отношения, равно как и в целом «любовные биографии» различаются у мужчин и женщин. Так, молодые мужчины зачастую имели разнообразные отношения,

в том числе сексуальные, в первую очередь с представительницами других этнических категорий, девушки же, часто не ограничивая себя в отношении национальности партнеров, преимущественно имели отношения «в социальных сетях», без сексуального элемента.

Более того, отвечая на вопрос, поставленный выше, большая часть отношений с представителями своей номинальной категории (приводящих к браку или нет) происходят за пределами вуза и вузовских организаций, более того, вузовская этническая среда в принципе не способствует складыванию романтических отношений. Этот факт объясняется тем, что такие отношения в этой среде имеют существенные издержки. В частности, за девушкой может закрепиться репутация «гулящей». Кроме того, сорт отношений, который складывается между участниками этнических кругов в вузе, имеет скорее не эротический, а семейный подтекст — молодые люди относятся к девушкам как к сестрам (защищают и следят за соблюдением норм), девушки же не против такого отношения, и вместе с этим маскулинность молодых людей часто не кажется им привлекательной. В ситуации разнообразия возможностей этнические студенческие организации не являются пространством поиска партнеров — ни временных, ни постоянных. В результате «этнический» брачный рынок оказывается невелик и неэффективен. Как следствие, далеко не мигранты второго поколения женятся и выходят замуж в первые годы после достижения совершеннолетия.

Характеристики идентификации мигрантов второго поколения

Какова идентификация мигрантов второго поколения? В чем она состоит? Можно говорить о том, что связь со страной происхождения (их или их родителей) — наиболее стабильный и воспроизводящийся элемент этнической идентификации информантов. На прямой вопрос об этнической принадлежности большинство отвечает указанием на свою номинальную этническую категорию. Важно, однако, что нередко она дополняется атрибутом «русский» или «московский», более того, в нарративах часто рефлексировалась маргинальная позиция, в рамках которой информант сочетает в себе элементы отправляющего и принимающего общества. Вместе с тем для большинства важна трансляция тех или иных этнических атрибутов своим будущим детям. Более того, идентифицировать себя в качестве армянина или азербайджанца будут как те, кто придерживается традиционной модели отношений и работает в семейных кругах, так и сторонники либеральной модели, занятые на работах в рамках «общего» рынка труда.

Таким образом, мигранты второго поколения неплохо интегрированы на структурном (система образования, рынок труда) уровне, круги же их общения могут варьироваться от практически полностью этнических до не включающих ни одного представителя соответствующей номинальной этнической группы. Что же касается их идентификации, в большинстве случаев она будет этнической, однако зачастую в ней будет отражаться рефлексия, связанная с маргинальной позицией мигрантов второго поколения.

Чтобы описать характеристики интеграции мигрантов второго поколения, приведем несколько сюжетов, высвечивающих некоторые детали интеграционного процесса. Эти сюжеты связаны с (1) формированием панкавказских групп, (2) (не)

участием мигрантов второго поколения в бизнесе своих родителей, (3) высокими издержками этнической рамки для девушек, а также (4) поздними браками в среде второго поколения.

Формирование панкавказских групп среди мигрантов второго поколения

Мигранты второго поколения в школьном возрасте нередко оказываются в среде, где есть как представители их номинальной этнической группы, так и представители других «кавказских» этнических категорий. В этой ситуации нередко их будут классифицировать как «кавказцев», а они будут соглашаться с предложенной классификацией и «становиться кавказцами». Эта категоризация связывается с определенным поведением, которое воспроизводится и служит маркером соответствующей этнической категории для тех, кто к ней относится, и для внешних по отношению к ней людей. Когда в некоторой среде будет несколько «кавказцев», вероятнее всего они будут общаться между собой. Случается также, что к таким группам примыкают номинально русские ребята, которые, однако, пытаются соответствовать критериям «кавказского поведения». Такого рода «кавказские» группы могут складываться в школе, во дворе, в спортивных клубах, в университетской среде. Вместе с тем в студенческом возрасте актуализируется различие по основанию армяне/азербайджанцы — в этот момент мигранты второго поколения начинают интересоваться историей и политикой, кроме того, «масла в огонь подливают» университетские объединения. В этой ситуации нередко с одной стороны баррикад оказываются армяне, с другой — азербайджанцы, при этом последние в коалиции с другими «национальностями» продолжают поддерживать «кавказское единство», а первые из него несколько выпадают вследствие указанной актуализации. Следует отметить, что даже в тех вузах, где происходят драки между армянами и азербайджанцами, «кавказскость» все равно будет поддерживаться дружбой между представителями этих категорий внутри учебных групп. Для прочих же вузов тесное взаимодействие армян и азербайджанцев является системой.

Можно говорить о том, что в московском этническом контексте значима категория «кавказец», сложившаяся в результате консолидации мигрантов второго поколения с Кавказа и внешнего маркирования, не предполагающего дальнейшей детализации соответствующей категории. Эта категория будет связана с определенными практиками, которые будут противопоставляться поведению, практикуемому представителями этнического мейнстрима, а также с формированием «кавказских» компаний во дворе, в школе, в спортивной секции и в вузе. После школы, прежде всего в вузовской среде, «кавказское единство» будет оспорено армянскими и азербайджанскими националистическими дискурсами и практиками, которые, однако, не становятся существенным препятствием для армяно-азербайджанской дружбы и продолжения существования «кавказскости» в вузовской и поствузовской средах. Следует, отметить, что это касается скорее мужчин и мужских групп. Для женщин в меньшей степени релевантно символическое кавказское единство, однако дружба с представителями других кавказских «национальностей», скорее всего, свойственны для них в той же степени, что и для мужчин.

(Не)участие мигрантов второго поколения в бизнесе родителей

В фокусе второго сюжета — вопрос о профессиональной преемственности поколений. Согласно результатам исследования, мигранты второго поколения практически никогда не идут по стопам родителей, преимущественно занимающихся мелким или средним бизнесом. Более того, из интервью в интервью воспроизводится ситуация, когда молодые люди уверенно не желают этой траектории для себя, а родители соглашаются с ними. Впрочем, можно предположить, что в некоторых случаях родители мигрантов второго поколения были бы не против, если бы дети продолжили их бизнес, однако жесткой установки на такую преемственность нет. Сложившуюся ситуацию можно объяснить несколькими факторами. Прежде всего, бизнес в качестве занятия — это зачастую компромисс, на который в 1990-е годы пошли родители, до того в стране происхождения преимущественно занимавшиеся другими делами. Работа эта рассматривается как тяжелая, а кроме того нередко опасная и не всегда законная. От этого родители хотят избавить своих детей. Дети, которые зачастую помогали родителям в их делах, знакомы с тяготами ведения небольшого бизнеса и тоже не хотят заниматься этим в жизни, тем более что «общий» рынок труда, к которому они получают доступ, позволяет им в перспективе зарабатывать большие деньги. Вместе с тем на некоторых этапах взрослой жизни мигранты второго поколения нередко оказываются вовлечены в родительский бизнес. В этом случае, скорее всего, речь пойдет не о копировании того, чем занимается отец, а о некотором апгрейде и технологизации процесса, например, о создании интернет-магазина. Важно также, что мигранты второго поколения, даже если принимают участие в родительском бизнесе, предпочитают там иметь собственную часть, избегая пересекаться по деловым вопросам с родителями. Они объясняют это разницей в стиле ведения бизнеса: родители привыкли вести бизнес жестче, они же предпочитают мягкость и умение договариваться.

Таким образом, бизнес-династии, в которых первое поколение передает бизнес второму и далее, в среде мигрантов из Армении и Азербайджана — за редким исключением — практически не наблюдается. В единственном случае, когда информант пошел по стопам родителей и открыл точку на рынке, по его словам, ему хотелось быстрых денег. Другой информант готовится, получив хорошее образование, принять на себя швейную фабрику родителей (средний успешный бизнес). В остальных случаях профессиональные траектории мигрантов второго поколения не воспроизводят родительские, и в отношении этого существуют четкие установки как у детей, так и у их родителей.

Пересечение этничности и гендера у мигрантов второго поколения

Третий сюжет связан с особыми характеристиками интеракции факторов этничности и гендера для мигрантов второго поколения, в результате которой этническая рамка оказывается «выгоднее» для мужчин во многом за счет контроля над женщинами, также находящимися в этой рамке. Согласно нормативной структуре закавказских обществ, поведение женщин контролируется всеми мужчинами ее семьи (в том числе и младшими), а также старшими женщинами. В результате девочки и молодые женщины оказываются наиболее контролируемы. Именно эти нормы и практики контроля — в представлении мигрантов второго поколе-

ния — являются атрибутом их этничности. Будучи инвариантом для поколения их родителей, для мигрантов второго поколения такие нормы и практики — лишь одна из возможных альтернатив, которую, в свете того, что она дает возможность осуществлять власть в отношении женщин в семье и не только (например, однокурсниц), естественным образом выбирают молодые мужчины и которая оказывается «невыгодна» для молодых женщин, понимающих, что может быть иначе. Так практика этничности для мужчин оказывается более органична, чем для женщин, для которых она сопряжена со значительной степенью несвободы. Такое положение вещей нередко порождает конфликты — внешние (например, между братьями и сестрами — мигрантами второго поколения) и внутренние, в рамках которых желание женщины практиковать этничность сталкивается с необходимостью подчиняться. Кроме того, нужно учесть, что миграция как таковая сопряжена со значительным градусом неуверенности в завтрашнем дне, и контроль за «своими» женщинами в такой ситуации нередко служит целям психологической адаптации, доступной, однако, только мужчинам. При этом далеко не все информантки сталкиваются с репрессиями в семье и страдают от этого. Были примеры, когда семьи информантов оказывались либеральными в части нравов, и девочки имели все те же возможности и ограничения, что и мальчики. Встречались ситуации, когда девочки были совсем не против ограничений, которые на них накладывались. Были случаи, когда родители оказывались более либеральными, чем их дети, и дочь, апеллируя к этничности, как это было в одном интервью, пыталась регулировать глубину декольте своей матери. Вместе с тем, скорее всего, мужские позиции, предлагаемые этнической рамкой, сочетаются с нормативными моделями принимающего общества в большей мере, чем женские.

Эрозия традиционной брачной модели у мигрантов второго поколения и ее последствия

С этим можно связать и другой, четвертый, сюжет, выделенный в ходе исследования. Судя по всему, мигранты второго поколения женятся и выходят замуж сравнительно поздно. Это можно связать с эрозией традиционных моделей гендерных отношений во втором поколении. Согласно таким моделям, молодой человек в процессе ухаживания за потенциальной невестой должен быть настойчив и, несмотря на холодность и видимое безразличие, которое демонстрирует в отношении к нему девушка, продолжать пытаться ее добиться. Чем сложнее добиться девушки, тем выше ее ценность. Настойчивость же в процессе ухаживания является мужской добродетелью. Действенность этой модели в традиционном обществе сопряжена с отсутствием альтернатив половых отношений — как у девушек, так и в значительной степени у молодых людей. Второе же поколение сталкивается с ситуацией, в рамках которой молодые люди — армяне или азербайджанцы — вступают в сексуальные отношения с представительницами других национальностей и перестают ухаживать за девушками своей национальности «должным образом», девушки же перестают испытывать то необходимое давление, благодаря которому можно продемонстрировать «чистоту» и добродетельность. Кроме того, как девушки, так и молодые люди на стыке разных моделей гендерных отношений формулируют внутренне противоречивые запросы в отношении того, каким должен быть их супруг/супруга. Молодые

люди в таком качестве хотели бы видеть интеллектуально развитую девушку, и это не очень сочетается с тем, что она должна быть послушной и скромной. Девушки же хотят понимающего и нежного супруга, что плохо сочетается с настойчивостью в ходе ухаживания. При этом и первые, и вторые считают, что жениться и выходить замуж можно только за представителя своей национальности. В результате если молодые люди относительно удовлетворены отношениями с «подружками» из местных, которых они не рассматривают в качестве брачных партнеров, девушки реже находят временных партнеров «не их» происхождения, а если это происходит, это сопряжено с существенным внутренним нормативным конфликтом. Таким образом, несмотря на существенное давление со стороны старшего поколения (не только родителей), брак у представителей второго поколения откладывается на более поздний возраст.

Выводы

По результатам анализа можно в первом приближении ответить на вопрос об интеграции мигрантов второго поколения в Москве. Прежде всего, мигранты второго поколения хорошо образованы и без проблем находят работу на «общем» рынке труда, который для них гораздо приоритетнее, чем, например, участие в родительском бизнесе. Есть сведения о дискриминации на рынке труда, однако в целом это не та проблема, с которой регулярно сталкиваются мигранты второго поколения в Москве. Социальная интеграция мигрантов второго поколения, как и ожидалось, носит сегментный характер и варьируется от полностью «местного» до полностью «коэтнического» круга общения. Кроме того, в Москве возникают «кавказские» группы. Наибольший потенциал для формирования «коэтнических» кругов общения имеют вузы, поскольку именно там мигранты второго поколения, до того учившиеся в районных школах по всей Москве, встречаются и начинают «жить этнической жизнью», определяя свое отношение к представителям своей номинальной группы, до того сформированное в семье и в ходе поездок в страну происхождения. Вуз — это также значимое время этнической идентификации, которая может стать связанной со «своей» этнической категорией или оказаться комбинированной — в зависимости от кругов общения. При этом базовая самоидентификация в качестве «армян» и «азербайджанцев» у информантов однозначна. Ценностно-нормативные представления мигрантов второго поколения также комбинированные и нередко сочетают конфликтующие установки.

Таков в целом портрет второго поколения мигрантов в Москве, созданный по результатам первого полевого этапа большого исследовательского проекта Группы исследований миграции и этничности РАНХиГС. Дальнейшее исследование предполагает проблематизацию, проверку и уточнение этих выводов для других регионов России и страны в целом.

Список литературы (References)

Рочева А. Л. «Полуторное» поколение мигрантов: множественная маргинальность (обзор литературы) // Официальный сайт ИС РАН. 2011. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2355> (дата обращения 7.09.2017).

Rocheva A. L. (2011) One and a half' generation of migrants: Multiple marginality (a literature review). Site of IS RAS. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2355> (accessed 7.09.2017). (In Russ.)

Bogardus E. S. (1930) The Mexican immigrant and segregation. *American Journal of Sociology*. Vol. 36 (1). P. 74—80.

Boyesen H. H. (1892) The Scandinavian in the United States. *The North American Review*. Vol. 155 (432). P. 526—535.

Child I. L. (1943) Italian or American? The second generation in conflict. New Haven, CT: Yale University Press.

Crul M., Schneider J., Lelie F. (ed.). (2012) The European second generation compared: Does the integration context matter? Amsterdam: Amsterdam University Press.

Elias N., Kemp A. (2010) The new second generation: Non-Jewish Olim, Black Jews and children of migrant workers in Israel. *Israel Studies*. Vol. 15 (1). P. 73—94. DOI: 10.1353/is.0.0066.

Gordon M. (1964) Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. New York: Oxford University Press.

Hall P. F. (1897) Immigration and the Educational Test. *The North American Review*. Vol. 165(491). P. 393—402.

Karthick Ramakrishnan S. (2004) Second-Generation Immigrants? The «2.5 Generation» in the United States. *Social Science Quarterly*. Vol. 85 (2). P. 380—399. DOI: 10.1111/j.0038-4941.2004.08502013.x.

Khoo S. E. et al. (2002) Second generation Australians: report for the Department of Immigration and Multicultural and Indigenous Affairs. Department of Immigration and Multicultural and Indigenous Affairs, Canberra.

Kobayashi A. (ed.) (2008) The Experiences of Second Generation Canadians. *Special Issue. Canadian Diversity*. Vol. 6. No 2.

Mayo-Smith R. (1895) Science of Statistics: Statistics and sociology. New York: Macmillan.

Park R. E. (1952) Sociology, community and society. In: Park R. E. *Human communities: The city and human ecology*. Glencoe (IL): Free press. P. 178—209.

Portes A., Rumbaut R. G. (2001) Legacies: The story of the immigrant second generation. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

Portes A., Rumbaut R. G. (2008) Children of immigrants longitudinal study (CILS). Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research.

Portes A., Zhou M. (1993) The new second generation: Segmented assimilation and its variants. *The annals of the American academy of political and social science*. Vol. 530 (1). P. 74—96. DOI: 10.1177/0002716293530001006.

Rumbaut R. G. (2005) Immigration, incorporation, and generational cohorts in historical contexts. In: K. W. Schaie, G. H. Elder Jr. (Eds.) *Societal impact on aging series. Historical influences on lives & aging*. New York: Springer. P. 43—88.

Rumbaut R. G., Ima K. (1988) *The Adaptation of Southeast Asian Refugee Youth: A Comparative Study*. Final Report to the Office of Resettlement. San Diego State Univ., CA. Dept. of Sociology.

Rumbaut R. G., Portes A. (ed.). (2001) *Ethnicities: Children of immigrants in America*. U. of California Press and Russell Sage Foundation.

Schneider J. (2016) First/Second Generation Immigrants. NESET II ad hoc question No. 4. Institute for Migration Research and Intercultural Studies (IMIS) University of Osnabrück, Germany.

Senner J. H. (1896) Immigration from Italy. *The North American Review*. Vol. 162 (475). P. 649—657.

Sleszynski T. (1921) The Second Generation of Immigrants in the Assimilative Process. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 93 (1). P. 156—161.

Stronks K., Glasgow I. K., Klazinga N. (2004) The identification of ethnic groups in health research, additional to the country of birth classification. Amsterdam. The Netherlands: AMC/Dept. of Social Medicine.

Thomas W., Znaniecki F. (1927) *The Polish Peasant in Europe and America*. Vol. 1. Second edition. New York: Alfred A. Knopf.

Thomassen B. (2010) 'Second Generation Immigrants' or 'Italians with Immigrant Parents'? Italian and European Perspectives on Immigrants and their Children. *Bulletin of Italian Politics*. Vol. 2 (1). P. 21—44.

Zhou M. (1997) Segmented assimilation: Issues, controversies, and recent research on the new second generation. *International migration review*. Vol. 31. No. 4. P. 975—1008. <https://doi.org/10.2307/2547421>.